

**Сказания князя А. М.
Курбского**

Критика и библиография

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

Сказания князя А. М. Курбского: Критика и библиография / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 54 с.

ISBN 978-5-458-01200-3

Ученые записки императорского казанского университета. Критика и библиография. Сказания князя А. М. Курбского. Третье издание Н. Устрялова. 1868. Автор: М. П-ский

ISBN 978-5-458-01200-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

К Р У М Т У К А

И БИБЛИОГРАФІЯ.

СКАЗАНИЯ КНЯЗЯ А. М. КУРСКОГО.

3 изд. Н. Устрялова. П. 1868.

Еще не такъ давно въ русскомъ обществѣ существовало повѣрье, что русская исторія представляетъ очень мало привлекательнаго для искусства, что весь складъ старо-русской жизни не въ состояніи былъ выработать личности, что архивные памятники только мышамъ да записнымъ ученымъ и могутъ доставить пищу и удовольствіе. Русская читающая публика въ старинѣ своей не обрѣтала развалинъ феодальныхъ замковъ, такъ художественно отгѣвленныхъ въ романахъ западныхъ беллетристовъ, и жизнь русскаго терема, боярскихъ хоромъ и даже царскихъ палатъ не считалась достойною пера художника. Правда, были *сочинители*, которые не пренебрегали нашей стариной, но ихъ произведенія способны были скорѣе утвердить публику въ ея нелюбви къ беллетристическимъ произведеніямъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ русской исторіи. Только „Борисъ Годуновъ“, „пѣсня про царя Ивана Васильевича“ и отчасти „Васурманъ“ были блестящими исключеніями изъ общаго правила. Но время все измѣняетъ—и самыя времена; истинные таланты сознали, что русская исторія, какъ и жизнь каждаго историческаго народа, способна дать превосходный матеріалъ для литературнаго произведенія, чему, конечно, помогло значительно и обнародованіе множества историче-

скихъ памятниковъ, долго бывшихъ недоступными массѣ читателей. И чѣмъ болѣе издавалось историческихъ матеріаловъ, тѣмъ болѣе пробуждалось сочувствіе къ изученію и воспроизведенію русской старины; тѣмъ рѣже стали слышаться возгласы, что въ русской старинѣ не могла выработаться личность. Послѣ драматической поэмы Пушкина слѣды совѣстливаго изученія историческихъ памятниковъ впервые обозначились на драматическихъ произведеніяхъ Чаева, и въ романѣ и драмахъ гр. Толстаго. Эпоха, избранная Толстымъ, интересна въ высшей степени: жизнь Руси XVI вѣка начинаетъ осложняться все болѣе и болѣе, сближеніе съ европейскимъ Западомъ становится все ощутительнѣе, образованіе захватываетъ въ свой кругъ все большее и большее число лицъ, и въ силу этихъ обстоятельствъ внутренняя борьба принимаетъ характеръ сравнительно менѣе страдательный, для развитія личности представляется болѣе простора.—Говоря вообще, XVI вѣкъ и прежде болѣе другихъ интересовалъ пишущій людъ, но не будемъ здѣсь говорить—каковы были результаты изученія и воспроизведенія этаго вѣка въ литературѣ. Напомнимъ только читателямъ, что и жизнь Курбскаго неоднократно подвергалась опасности отъ нападеній російскихъ писателей—беллетристовъ, несомнѣнно имѣвшихъ въ сороковыхъ годахъ обширный кругъ читателей. Кн. Андрей Курбскій служилъ для нихъ незабывливой игрушкой: они весьма комфортабельно выграивали изъ его бурной, полной истиннаго драматизма, жизни—и историческіе романы, и историческія драмы; но и въ тѣхъ и въ другихъ мы видимъ не только отсутствіе таланта, не только незнакомство съ русской стариной, но даже поверхностное, невнимательное изученіе и самыхъ „сказаній“ Курбскаго.

Сказанія Курбскаго, обслѣдованныя и Карамзиннымъ и Арцибашевымъ еще въ рукописяхъ, впервые были изданы въ 1838 году.

Эти „сказанія“ и „переписка“, не смотря на ихъ независтую оболочку—на полудерковный, полурусскій, полупольскій языкъ, такъ полюбилась русскому обществу, что не прошло десяти лѣтъ, какъ уже въ 1842 потребовалось новое ихъ изданіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ годомъ появлялись въ печати новыя матеріалы, разъясняющіе дѣятельность Курбскаго.

Такъ еще въ 1841 году Шевыревъ напечаталъ двѣ замѣтки относительно исторіи Флорентинскаго собора, касающіяся Курбскаго⁽¹⁾.

Въ 1843 году Сахаровъ помѣстилъ въ Москвитанинѣ новое письмо Курбскаго, *важное* по своему содержанию⁽²⁾.

Тогда же г. Л. Кавелинъ сообщилъ въ ж. „Маякъ“ объясненіе плана Казани, неизвѣстное Устрялову⁽³⁾.

Въ 1846 году появилась въ „Сѣверной пчелѣ“ весьма важная замѣтка о переводной дѣятельности Курбскаго, значительно дополняющая свѣдѣнія объ этой дѣятельности⁽⁴⁾.

Въ 1847 году вышло въ свѣтъ изслѣдованіе г. Соловьева „Объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова дома“, — изслѣдованіе, представляющее новый взглядъ на отношенія Курбскаго къ Ивану IV.

Въ 1848 г. г. Строевъ открылъ еще новыя посланія Курбскаго⁽⁵⁾.

Въ 1849 г. были изданы весьма любопытные акты, касающіеся „жизни Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“. Издатель этихъ актовъ, Иванишевъ, помѣстилъ въ этомъ изданіи и „предисловіе князя Курбскаго на книгу словесъ Златоустовыхъ, глаголемую новый маргаритъ“⁽⁶⁾.

Въ 1852 году въ Москвитанинѣ появилась замѣтка о селѣ Курбѣ, отчинѣ и родинѣ князей Курбскихъ⁽⁷⁾, — замѣтка, уясняющая одно изъ недоразумѣній Устрялова.

Въ 1867 г. преосвященный Филаретъ Харьковскій указалъ на переводъ діалога патриарха Геннадія и двухъ отрыв-

---

(1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1841. Кн. I. стр. 60—78. Москвитанинъ, 1841. т. III. стр. 498—509.

(2) Москвитанинъ, 1843. № 9.

(3) Маякъ, 1843. Т. VIII. Матер. стр. 49.

(4) Сѣверная пчела, 1846, № 11 и слѣд.

(5) Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія Царскому. стр. 577.—Преосвященный Филаретъ (Харьковскій) помѣстилъ выдержки изъ этихъ неизвѣстныхъ посланій Курбскаго въ „Обзорѣ русской духовной литературы“, въ 1856 г.

(6) Предисловіе заимствовано изъ рукописи, находящейся въ Вольфенбуittelъ. Въ 1870 году напечатано извѣстіе о второй рукописи Маргарита, находившейся въ библиотекѣ Ундольскаго. См. Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. 1870. Столб. 166—167.

(7) Москвитанинъ, 1852. № 17.

вовъ изъ Дамаскина и Златоуста,—переводъ, сдѣланный Курбскимъ (*).

Въ 1858 г. было издано предисловіе Курбскаго къ переводу книги Дамаскина „Небеса“ (*).

Въ 1859 г. издателями „Описанія слав. рукописей Моск. синодальной бібліотеки“ подтверждена догадка преосвященнаго Филарета о переводѣ діалога Геннадія⁽¹⁰⁾.

Въ 1863 г. были изданы посланія Курбскаго, не вошедшія во 2 изданіе сказаній, указанныя прежде Строевымъ⁽¹¹⁾.

Въ 1868 г. вышло 3 изданіе сказаній.

Прежде нежели скажемъ, какъ Устряловъ воспользовался такимъ богатымъ матеріаломъ при *третьемъ* изданіи сказаній, считаемъ должнымъ заявить, что самое появленіе третьяго изданія „сказаній“ говорить и въ пользу самыхъ сказаній, и въ пользу массы читателей, и въ пользу самого издателя сказаній, весьма тщательно, для *тридцатыхъ* годовъ текущаго столѣтія, обследовавшаго издаваемый памятникъ. Не будь этихъ сказаній и переписки съ Иваномъ IV—и многочисленные *scriptores exteri saeculi XVI*, и лѣтописныя сказанія не познакомили бы такъ не только читающую публику, но и ученыхъ съ исторіею Руси въ правленіе Ивана IV, съ личностью того царя, который *прозекъ* былъ по словамъ народныхъ русскихъ сказаній, который *жестокъ* былъ по увѣреніямъ его современниковъ, и который былъ *великъ* по мнѣнію русскихъ историковъ новейшей школы.

Русскіе историки новой школы видѣли въ кн. Курбскомъ представителя идей отживающей старины, въ Иванѣ IV—представителя новой *исударственной* идеи.. Разумѣется, между представителями этихъ различныхъ направленій должна была возникнуть борьба, и вотъ эта-то борьба, по словамъ апологистовъ Ивана IV и характеризуетъ вторую половину XVI вѣка русской жизни.

Кто же, спрашивается, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы? Кто же изъ борцовъ—гонитель? Кто—жертва?

(*). Исторія русской церкви. Т. III. (3-е изд.) стр. 63.

(*) Библиографическія записки. Т. I. № 12.

(10) Описание рукописей Московской Синодальной бібліотеки. Т. III. стр. 565—569.

(11) Православный Собесѣдникъ, 1863. Кн. V—VIII.

Карамзинъ не обинуясь назвалъ жертвами Курбскаго съ товарищи; Арцибышевъ—Ивана IV. Последняго мнѣнія держались и позднѣйшіе русскіе историки, за исключеніемъ Погодина. Самъ же издатель сказаній Курбскаго и въ 1868 году, какъ и въ 1833, не высказалъ вполнѣ опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ. Вообще Устряловъ болѣе сочувствуетъ Курбскому и не только, какъ видно, не раздѣляетъ мысли о величіи Ивана IV, но и въ его подданныхъ не хочетъ видѣть однихъ крамольниковъ. Въ Курбскомъ онъ не видитъ стариннаго *дружинника*, дерзко поднимающаго руку на государственное начало, царившее въ лицѣ Ивана IV, не упоминаетъ о *правахъ* отъѣзда и совѣта, которыя будто бы отстаивались князьями—дружинниками второй половины XVI вѣка, и ограничивается и въ третьемъ изданіи сказаній тѣми же результатами, до которыхъ онъ дошелъ въ предшествовавшемъ изданіи. *Устряловъ не воспользовался ни однимъ изъ матеріаловъ, указанныхъ нами выше, кромѣ актовъ о жизни Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ, изданныхъ г. Иванисевымъ; да и изъ этихъ актовъ онъ извлекъ для третьяго изданія сказаній только „предисловіе къ „Маргариту“, два письма Курбскаго къ княгинѣ Збаражской, да нѣсколько словъ изъ изслѣдованія г. Иванисева, которыя вполнѣ опровергаютъ мнѣніе самаго же Устрялова о причинѣ бѣгства Курбскаго въ Литву. Вообще говоря, вопросъ о бѣгствѣ до сихъ поръ остается темнымъ: прежде, до изданія литовскихъ актовъ, касающихся Курбскаго, всѣ думали, что Курбскій бѣжалъ отъ царскаго гнѣва—мысль, по нашему мнѣнію, единственно вѣрная; но изъ литовскихъ актовъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Курбскій предварительно получилъ отъ короля польскаго и отъ литовскаго гетмана приглашеніе перейти въ Литву, и тогда уже рѣшился оставить отечество. „Слѣдовательно—говоритъ Устряловъ—по справедливому замѣчанію Иванисева, Курбскій явился къ королю Польскому не какъ бѣглецъ, преслѣдуемый страхомъ казни за проигранное сраженіе: онъ дѣйствовалъ обдуманно, велъ переговоры и тогда только рѣшился нѣмѣнить царю, вогда плату за измѣну нашелъ для себя выгодною“ (12). Допустивъ такую мысль, Устряловъ уже никоимъ образомъ не могъ бы, повидимому, на слѣдующей же страницѣ допускать нѣчто совершенно неожиданное, а имен-*

(12) Сказанія кн. Курбскаго. 3 изд. стр. XIV.

но: „Очень можетъ случиться—говорить Устряловъ—что Курбскій, свидѣтель безчестной казни князя Михаила Рѣпина и Дмитрія Курлятева, угрожаемый смертью и самъ, какъ другъ Силвестра, Адашева, Воротынскаго, Шереметева, не задолго предъ тѣмъ изгнанныхъ изъ Москвы, рѣшился по примѣру князя Дмитрія Вишневецкаго и другихъ спасти свою жизнь отъ вѣроятной казни удаленіемъ изъ Россіи“⁽¹⁾.

Именно эта причина, какъ мы думаемъ, и побудила Курбскаго бѣжать,—но допуская ее, можно-ли въ одно и то же время говорить, что Курбскій тогда только рѣшился измѣнить царю, когда плату за свою измѣну нашелъ выгодною? Въ одномъ случаѣ мы видимъ низкій корыстный расчетъ, въ другомъ—одно чувство самосохраненія. Можно-ли безъ оговорки принимать оба положенія? А между тѣмъ дѣло можетъ объясниться просто: Курбскій видѣлъ уже опалу той партіи, въ которой онъ принадлежалъ хорошо и, что бы въ частности ни предшествовало этой опалѣ, онъ очень хорошо зналъ, что и ему не сносить своей головы; но въ то же время онъ, какъ человѣкъ понимавшій, что могло ожидать его въ Литвѣ, своевременно выговорилъ себѣ извѣстна гарантія; словомъ, если въ его бѣгствѣ, предшествуемомъ переговорами, и можно видѣть обманъ, то во всякомъ случаѣ въ такой обманъ онъ ввелъ Сигизмунда Августа, ибо и безъ гарантіи Польскаго правительства, Курбскому всетаки приходилось же расстаться съ „землей святорусскою“, въ которой уже было воздвигнуто гоненіе на всѣхъ *адашевскихъ*; а Курбскій и на Руси и въ Литвѣ всегда былъ самымъ жаркимъ сторонникомъ ихъ. Опала главъ партіи непремѣнно должна была откликнуться и на всѣхъ ея сторонникахъ. Стоить только вспомнить, какъ Иванъ IV смотрѣлъ на своихъ недруговъ, стоитъ привести хоть извѣстныя слова его изъ знаменитаго посланія къ игумену Ковымъ, слова, въ которыхъ прекрасно высказывается значеніе *опалы*: „что мнѣ—писалъ Иванъ—надъ чернецомъ опалатися или поругатися?... Что на Шереметевыхъ гнѣвъ держати, ино *отдѣ есть братья его въ миру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положить*“? Курбскій прекрасно понималъ, что значила у Ивана опала надъ бояриномъ, и вотъ какъ высказался по этому поводу

⁽¹⁾ Ibid., стр. XV.

въ предисловіи къ Маргариту: „Законъ Божій глаголетъ: да не понесетъ сынъ грѣховъ отца своего, а ни отецъ грѣховъ сына своего; каждый во своемъ грѣсѣ умретъ и по своей винѣ понесетъ казнь. А ласкатели совѣтуютъ, аще кого облеветьютъ, и повиннымъ сотворятъ и праведника грѣшникомъ учинятъ, и измѣнникомъ нарекутъ, по ихъ обыкновенному слову; не токмо того безъ суда осуждаютъ и казни предають, но и до трехъ поволеній, отъ отца и отъ матери по роду влекомыхъ, осуждаютъ и казнятъ, и всеродно погубляютъ, не токмо *единокольенныхъ, но аще и знаежъ былъ, и сусѣдъ, и мало ко дружествъ причастенъ*, иже въ незамирение и безчисленныя зла, гнѣвъ непримирительный и кровопролитіе производятъ на неповинныхъ“ (14).—Какъ лучшія доказательства правоты словъ Курбскаго мы приведемъ подлинныя слова Ивана IV, въ его „христіанскихъ смиренныхъ отвѣтахъ“ „собакъ“ Курбскому. Раскрываемъ эту знаменитую переписку и въ первомъ посланіи Курбскаго Ивану находимъ жалобы въ общихъ выраженіяхъ, на гоненія перенесенныя имъ отъ Ивана, и упрекъ въ томъ, что „онъ различнымъ смертемъ предалъ воеводъ своихъ“, „облгаючи православныхъ измѣнами и чародѣйства и иными непотребными“. Между прочимъ Курбскій указываетъ на фавтъ, прямаго объясненія которому пока нѣтъ въ историческихъ памятникахъ того времени, а именно: говоря о томъ, что „онъ тувѣ былъ отогнанъ отъ земли Божіи, аки (Иваномъ IV) побужденъ“, онъ прибавляетъ: „не испросихъ умиленными глаголы, не умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя ни коея жъ милости архіерейскими чинами“ (15). И такъ Курбскій, виновный въ чемъ—либо, или невинный, во всякомъ случаѣ былъ уже *на замъчаніи* у Ивана IV, между тѣмъ какъ Иванъ въ отвѣтъ своему обходитъ это обстоятельство, если только мы не признаемъ серьезнымъ со стороны Ива-

---

(14) Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Т. II, стр. 306.

(15) Не объясняется ли это мѣсто изъ переписки нѣсколькими словами изъ исторіи Ивана, въ которыхъ говоритъ Курбскій о заочномъ судѣ надъ главами вартіи и надъ всеми добрыми и добро хотящими ему и душѣ за него полагающими, а равно и о тщетномъ заступничествѣ за нихъ митрополита? О томъ же Курбскій писалъ и Вассіану (Муромцеву) въ Псково-печерскій монастырь.

на обвиненіе Курбскаго въ томъ, что этотъ послѣдній „всхотѣлъ своимъ измѣннымъ *обычаемъ* быть Ярославскимъ владыкою“. Это—единственное обвиненіе, обращенное лично къ Курбскому. Всѣ остальные обвиненія направлены уже не противъ „бѣгуна“, „измѣнника“, „клятвопреступника“ Курбскаго, но противъ той партіи, къ которой онъ принадлежалъ. „Почто, о княже—говорить Иванъ IV—свою душу отвергъ еси?.. Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси?.. Аще убоялся еси смерти, *по своимъ* бесонзвышшихъ *друзей* и *назирателей ложному слову*: и вси, яко же бѣси на весь міръ, такоже и *ваши* извольше быти *друзи* и *служебники*, насъ же отвергшеся преступивше крестное цѣлованіе, бѣсовъ подражающе на многообразные ми воды всюду сѣти полапающе, и бѣсовскимъ *обычаемъ* на всяческія назирающе, блюдуще хоженія и глаголанія, мняше насъ, яко бесплотныхъ быти, и отъ сего многія швивающіи поношенія и укоризны на насъ, и весь міръ позорующихъ и къ вамъ приносящихъ, — вы же имъ воздаяніе много за сіе злодѣйство даровали есте нашу жъ землю и казною, называючи ихъ *ложно* слугами;—отъ сихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, и възярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разорѣніе стали есте“. Эти слова различнымъ образомъ варьируются въ письмахъ Ивана. Иванъ IV обвиняетъ адашевцевъ въ томъ, что они завладѣли царствомъ, что держали его особу въ невыносимой опецѣ, что Сильвестръ и Адашевъ не оцѣнили его довѣрчивости, что составляли себѣ партію изъ бояръ раздачею имъ вотчинъ, что принимали въ свой совѣтъ измѣнниковъ, что во время болѣзни Ивана хотѣли воцарить Владимира Старицаго, что презирали Анастасію. Въ заключеніе Иванъ говоритъ: „не мни мя не разумна суща или разумомъ младенчествующа, *якожъ начальницы ваши* попомъ Сельвестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; ниже мните мя дѣтскими страшили устрашити, *якожъ* прежде сего съ попомъ Сельвестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстите“.

Во второмъ посланіи къ Ивану Курбскій снова ограничивается клятвою, что не считаетъ себя виновнымъ въ чемъ-либо, и называетъ себя „изгнаннымъ безъ правды“.

Въ 1578 г. Иванъ снова пишетъ Курбскому „грамоту“. Въ ней онъ опять упрекаетъ партію, къ которой принадлежалъ Курбскій, и которая „хотѣла съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями

подъ ногами своими всю русскую землю видѣти*. Затѣмъ Иванъ рѣшительнѣе чѣмъ прежде упрекаетъ всѣхъ адашевцевъ въ смерти Анастасіи и намѣреніи воцарить Владиміра: „А съ женою меня вы почто разлучили? только бѣ у меня не отняли юницы моя: инобы кроновы жертвы не было. Только бѣ есте на меня съ попомъ не стали, инобъ того ничего не было: все то учинилося отъ *вашею* самовольства. А князя Володиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести?... И явъ такія досады стерпѣти не могъ: *за себя есмь сталъ*!“! Вообще второе посланіе Ивана уже далеко не такъ „широковѣщательно“, какъ первое. Въ первомъ Иванъ былъ значительно откровеннѣе; во второмъ — онъ выставляетъ на видъ уже преступленія адашевцевъ, хотъ и самъ не вѣрилъ „счарованію царицы“.

На „вторую эпистолю“ Ивана въ сентябрѣ 1579 г. появляется отвѣтъ Курбскаго (¹⁶). Онъ очень важенъ: въ стремленіи оправдать адашевцевъ у Курбскаго невольно проглядываетъ сознаніе въ излишней притязательности опекуновъ, даже согласіе съ обвиненіемъ ихъ въ неправотѣ. Вообще переписка носитъ на себѣ характеръ защиты частнаго дѣла: Курбскій защищаетъ адашевцевъ, Иванъ IV защищается отъ опеки адашевцевъ. И тотъ и другой высказываютъ много правды. Неправъ Иванъ только въ обвиненіи Курбскаго и всѣхъ адашевцевъ въ смерти Анастасіи, да неправъ въ обвиненіи Курбскаго въ желаніи послѣдняго сдѣлаться „Ярославскимъ владыкою“.—Самъ Иванъ IV объясняетъ намъ—какую борьбу, и за что именно, велъ онъ въ свое продолжительное царствованіе. Въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому онъ защищаетъ единственно себя, а не дѣло Руси, которымъ наука хотѣла обременить его темную память. Онъ открылъ борьбу на смерть — не старому отжившему порядку вещей, но правителямъ и ихъ партіи: онъ по собственному выраженію: „за себя сталъ“. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что правители и ихъ партія непозитивно обра-

---

(¹⁶) Первая часть отвѣта помѣчена началомъ, а вторая—концомъ сентября; но не смотря на то вторую часть нельзя считать особымъ (4-мъ) посланіемъ, а только *post — scriptum*’омъ. Въ рукописяхъ этотъ *post — scriptum* не носитъ названія отдѣльнаго посланія. Это было уже замѣчено Строевымъ въ оп. рук. библ. Царскаго (стр. 191), но Устряловъ не обратилъ на это вниманія и при новомъ изданіи сказавъ.

щались съ особою царя. Сильно подѣйствовавъ на рязную натуру Ивана, временщики такъ привыкли къ его безусловной покорности, что все дѣлали по своему. Лицъ, удаленныхъ царемъ, они вводили въ свою „избранную раду“, какъ называетъ Курбскій царскую думу. Чтобы привлечь на свою сторону бояръ и боярскихъ дѣтей, правители издали отъ имени Ивана и, конечно, съ его согласія, въ 1550 г. указъ о раздачѣ вотчинъ боярамъ и боярскимъ дѣтямъ⁽¹⁾.

Такимъ образомъ чѣмъ болѣе Сильвестръ привлекалъ къ себѣ бояръ, тѣмъ болѣе на его сторонѣ было людей, все видѣвшихъ, все слышавшихъ, что ни дѣлалъ, что ни говорилъ Иванъ—и все передававшихъ опекунамъ, которые желали держать Ивана въ рукахъ и въ его зрѣлыя лѣта, какъ и въ его юные годы. Понятно, отчего самолюбіе Ивана, постепенно разжигаемое и людьми и обстоятельствами, взяло верхъ надъ чувствомъ почтенія и долга къ Сильвестру и Адашеву. Ихъ строгія мѣры и лишенія, которыми они окружили царя, могли только ожесточить и безъ того суровую натуру Ивана, не выдававшего радостныхъ дней въ своей жизни, отравленной мнимыми и истинными неудовольствіями. Мудрено ли было истощиться терпѣнію Ивана, разжигаемого и страстями и людьми неблагонамѣренными? Скрученные порывы страстей должны же были съ годами съискать себѣ выходъ и, съ удаленіемъ правителей, вспыхнули и „разгорѣлись лютымъ пожаромъ въ землѣ Русской“. Разумѣется ранѣе всѣхъ сложили на плахѣ свои головы люди, близкіе къ опальной партіи: а именно какая-то Марія съ пятью сыновьями и Даниилъ Адашевъ съ сыномъ, какъ самый опасный партизанъ и близкій къ Сильвестру и Алексѣю; потомъ Петръ Туровъ, тестъ Даниила, Сатины, родственники Адашевыхъ (по женѣ Алексѣя, взятой изъ ихъ рода), родственникъ Адашевыхъ Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми), кн. Дм. Оболенскій - Овчина, кн. Мих. Рѣпинъ кн. Юр. Капинъ, кн. Дм. Курлятевъ, Никита Шереметевъ. Но въ то время, когда гибли первыя изъ этихъ жертвъ суровости Ивана, виновныя, можетъ быть, по своему родству и близости къ Алексѣю Адашеву,—въ это время одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Сильвестру и другъ Адашева, бояринъ, полководецъ, прославившійся своими ратными подвигами подъ Тулою, при взятіи Казани, усмиреніемъ возмущившихся воеводовъ, черемисъ и татаръ — князь Андрей Михайловичъ

(1) Древн. російская вѣствованка. XIII. стр. 3.